

На каждой войне бывают убитые, раненые и пленные. И не только среди военных. Тысячи концентрационных лагерей устроила фашистская Германия на своей территории, а также в Белоруссии, Прибалтике, Польше, Бельгии, Финляндии. По сути, вся Европа была превращена во время второй мировой войны в огромный концлагерь, пропустивший через себя миллионы людей разных национальностей.

Немногие из прошедших через лагерные нары дожили до наших дней. В Первоуральске действует филиал областной ассоциации бывших узников фашизма, который объединяет свыше 400 человек. Накануне Международного дня в редакцию на "круглый стол" пришли бывшие узники концлагерей Борис Григорьевич Гнатенко, Анна Даниловна Кормильцева, Филипп Феофанович Полищук, Иван Тимофеевич Яскажук, Нина Константиновна Красковская, Сергей Васильевич Папченко. В беседе приняли участие начальник отдела льгот и социальных гарантий управления социальной защиты населения Анна Анатольевна Доровских и специалист этого управления Татьяна Ивановна Хороших. Ниже мы предлагаем сокращенную запись этой беседы.

**Завтра -
Международный день
освобождения узников
фашистских лагерей**

ГОВОРЯТ МОЛЧАВШИЕ ПОЛВЕКА

А. А. Доровских:

До недавнего времени общество об этой категории ветеранов войны и труда практически не было информировано, а сами же узники полвека скромно молчали. Порой даже близкие и родственники не подозревали, что пришлось пережить этим людям. Полувековое молчание было прервано после появления указа президента о льготах несовершеннолетним узникам фашистских лагерей и гетто.

Фактически они пострадали дважды. Освободившись из одного лагеря, они попадали в другой, а потом их ждало спецпоселение вдали от родных мест. Угнали их в неволю с территорий Украины, Белоруссии, оккупированных немцами. На Урал попали в большинстве не по своей воле. А вообще, по логике вещей, к ним вполне применимы льготы для лиц, незаконно репрессированных. Однако закон об этом не прописан, и я высказываю только свою точку зрения.

Хорошо, что все-таки общество вспомнило об этих людях. А им есть что рассказать.

Т. И. Хороших:

С бывшими несовершеннолетними узниками я начала заниматься с октября 1994 года. С каждым беседовала индивидуально, ведь для оформления денежной компенсации за пребывание в неволе надо было собрать необходимые документы-подтверждения, на переписку с архивами, и не только российскими, уходили долгие месяцы.

Когда они приходили на беседы и вспоминали о своем детстве, как их угнали в неволю, а было им тогда по 10-17 лет, у меня навертывались слезы на глаза. Столько лет глухого молчания, столько лет даже не смели заикнуться об этом. Очень скромные люди, не знавшие детства, всю жизнь несли этот крест в одиночку, не помышляя ни о каких льготах.

Б. Г. Гнатенко:

Вы знаете, сегодня, 4 апреля, мой второй день рождения 52 года назад. Также в пятницу,

меня и моих товарищей по несчастью освободили из лагеря американские войска. Родом я с Украины. В 1942 году 10 мая в 10 часов утра (мне было 15 лет) забрали нас 40 человек немцы, загрузили в вагоны и отправили в Германию.

Наш лагерь был недалеко от Франкфурта-на-Майне. Мы, подростки, работали в порту, таскали на себе ящики, мешки. Конечно, под конвоем. Чуть отступились, перепоешут плетью от затылка до пяток. И наказание доходило до 25 плетей, после чего не всякий оставался в живых.

Нас было в концлагере 1400 человек. За побеги наказывали особо жестоко, живыми мы сбегавших уже не видели. С нами работали расконвоированные французы и поляки, они-то нам и доносили вести с фронтов. Да, кстати, мы по еде это чувствовали. Когда немцы наступали, кормили плохо, к концу войны еда стала получше. Видимо, заранее вымаливали себе прощение.

После освобождения нас поначалу переселили в морскую форму и начали готовить к войне с Японией. Но потом где-то сработала бдительность, и я со 152 товарищами по неволе очутился в 25-м бараке на ул. Ватутина в Первоуральске. Сегодня в живых из той партии осталось шесть человек.

Сорок лет проработал в СУ-4, сейчас на пенсии. Двое детей и трое внуков живут в Москве. Еще бы поработал, да вот удалили почку. На родине последний раз был два года назад - там живут брат и сестра, еще один брат живет в России. Как сейчас живу? Раньше на пенсию в 132 рубля было получше. А впрочем, все так живем.

А. Д. Кормильцева:

Я жила в Белоруссии в Витебской области. Немец занял нас уже на третий сутки. Отец ушел в партизаны. У мамы нас трое детей, а мне в ту пору 10 лет минуло. Немцы из-за партизан сожгли все, что горело. Около года скрывались, а потом нас выдал немцам полицай, знавший нашего отца. И нача-

лись скитания в неволе. Я, мама и сестренка попали в Освенцим. Как мы там жили, рассказывать не буду, мне об этом каждый день напоминает татуировка - мой лагерный номер 66077. Есть об этом фильм "Помни имя свое".

Конец войны для меня и сестренки наступил в январе 1945 года, когда наш лагерь освободили войска 2-го Белорусского фронта под командованием Г. К. Жукова. Два месяца нас откармливали, обшивали, привели в божий вид, а потом санитарным поездом отправили в Москву. Там нас определили по детским домам.

Затем было ремесленное училище, после которого по распределению попала на швейную фабрику в Первоуральск, где и работала с 1949 по 1971 год. Еще десять лет работала крановщицей в восьмом цехе Новотрубного завода. О трагической судьбе мамы, ее сожгли в Освенциме, узнала много лет спустя на своей родине. В Горловке на Украине живут брат и сестра. У нас с мужем Борисом Николаевичем двое детей. Сын работает в Новгороде в драмтеатре, дочь - в местной воинской части.

С. В. Папченко, сопредседатель Первоуральского филиала Свердловской областной ассоциации бывших узников фашизма:

Я родился 1 января 1924 года в Луганской области, село Первозвановка. Отец - шахтер. И мне пришлось до войны работать на шахте, пока ее не взорвали в сентябре 1941 года. Линия фронта была уже совсем рядом.

Нас, трудоспособную молодежь, мобилизовали на оборонительные работы. Копали противотанковый ров, окопы, землянки, строили блиндажи. Носили с боекомплекта на передовую боеприпасы и мины.

В конце июня 1942 года направили в военкомат - прошли медкомиссию, нас построили, сформировали команду и пешком 70 км пошли в Ворошиловград под командой лейтенанта. Должны были эшелонам напра-

вить куда-то на формирование. Но при посадке на станции Красновка нас обстреляли и бомбили немецкие штурмовики.

Был июль, немцы на харьковском направлении прорвали фронт. 11 июля попали в окружение и, несмотря на то, что мы были одеты в гражданскую одежду, нас угнали в лагерь для военнопленных. Сумели бежать и четверо суток бродили по степи (несколько человек), пробираясь ближе к дому...

В одном из хуторов меня задержал патруль. Пытался снова бежать, но после стрельбы меня догнали, один из немцев прикладом винтовки грубо загнал в дом. Это были бывшие колхозные ясли, а теперь здесь содержали пленных, человек сорок. Через трое суток разделили на три колонны, в которых отдельно русские, украинцы и нацмены, и под конным конвоем (за каждой колонной еще и машина со спаренным пулеметом) погнали в Лисичанск для отправки в Германию...

В Германии я работал на паровозостроительном заводе. За отказ строить бомбоубежища получил статью (саботаж) и был отправлен в филиал Бухенвальда на полгода - в штрафные лагеря. Там было 800 штрафников, 300 пленных французов и 450 концлагерников. Строгий режим для всех.

После освобождения в марте 1945 года американскими войсками находился в лагере для перемещенных лиц, затем прошел через пункт фильтрации. На Урал отправили после формирования рабочего батальона - Бресте. И Гитлеру нужна была дешевая рабсила, и Сталину. Отпусков нам на родине до 1947 года не давали. Работал на Новотрубном заводе в первом цехе бригадиром отдела подготовки прокатного инструмента.

Сейчас живу один. Жизнь сурово обошлась со мной и после войны, отняв единственного сына. Хочу отметить, что там, в Германии, попадались наши соотечественники, прислужники немцев, которые к нам относились даже более жестоко и цинично, чем сами немцы. Немцы довольно изощренно и педантично приучали нас к методичной работе, без жалости занимаясь выбраковкой самых слабых. Хуже всего, пожалуй, относились к русским, евреям, цыганам... Но обиднее всего то, что у себя на родине мы не встретили потом понимания и сочувствия. Не забуду никогда, как 23 часа днем и ночью допрашивал меня особист по фамилии Голубь, по семь раз задавая один и тот же вопрос. Ну был варвар!..

Вся молодость, таким образом, прошла в лагере, в унижении, оскорблении...

И. Т. Яскажук:

Родился в 1926 году, в 60 километрах от Чернобыля. Мне было 16 лет, жил круглым сиротой (последствия сталинских репрессий), когда получил повестку на работу в Германию. Староста поставил условие: или ты поедешь, или твоя сестра.

Из нашей деревни набрали с десяток ребят и девчат. Расстолкали по вагонам - двухоскам. Когда состав проходил через

лес, где пошаливали партизаны, то совсем снизил ход. Колочая проволока в два ряда, вышки, бараки, поби за малейшую провинность - это уже лагерь в Рурской области, откуда направили в клеть, разбирать старый штрек. Работа была очень тяжелой, опасной, а кормили плохо. В семнадцать лет я весил 46 килограммов. Все косточки без рентгена можно было разглядеть.

Немцы становились добрее к нам, когда Красная Армия колочматила их войска, а наше настроение заметно улучшалось после каждой успешно проведенной операции на фронте. Нас освободили американцы, но немало жизней в последние месяцы войны загубили жестокие авианалеты союзников. Помню, как нескольких моих товарищей буквально разорвало в клочья при очередной такой бомбежке.

В Первоуральске работал в первом и пятом цехах Новотрубного завода - контролером ОТК на горячем отделе, в термоотделе, мастером. Сейчас уже воспитываю внука и внучку.

Ф. Ф. Полищук:

Я провел детство недалеко от Шепетовки, в нескольких километрах была старая польская граница и так называемая оборонительная "линия Сталина" с дотами, пулеметными гнездами. Немцы пришли 30 июля. Стояла невыносимая жара. После бомбежек, упорных боев было много убитых из числа военных и мирного населения, нас чуть ли не всей деревней заставляли хоронить. Раненых разместили в клубе и школе. Не было бинтов, врача заменил фельдшер.

Приносили военнопленным то что мог из еды. А 22 мая 1942 года меня, 15-летнего парня, погрузили в товарняк. Слышу автоматные очереди возле нашего вагона. Оказалось, что двое парней сумели оторвать доски и выпрыгнуть. Их тут же схватили и расстреляли. В нацизмидание другим.

А потом унизительная процедура дезинфекции, нацепили бирки и, как рабов в Древнем Риме, выставили на продажу бауэрам, сельским хозяевам. Выкупали они каждого за 25 дойчмарок. Я до сих пор не пойму, зачем немцы развезли войну - жили они и тогда отлично. А вот нам вместо масла - маргарин, вместо сахара - сахарин. Батрачили с 6 утра и до 8 вечера.

В день рождения Гитлера хозяин меня с поляком заставил было поднять фашистский флаг. Мы наотрез отказались, и нас крепко избили. Попытка побегать не удалась. Так я попал в тюрьму и затем в передвигной концлагерь. Угрожали расстрелом, но мне просто повезло. 8 мая 45 года пришла свобода, но вместе с ней унизительная фильтровка у своих и отправка на Урал.

Работал электрослесарем в цехах № 1, 21 Новотрубного завода, а с 1982 года на пенсии. Два сына, один закончил УПИ, другой учится в аспирантуре. Одному из сыновей в школе должны были вручить медаль за успешную учебу, но последовал

звоночек из горкома с намеком: нельзя давать, раз отец был там. Мы с женой сильно расстроились, а сын сказал: я поступлю и без медали. Слово он сдержал.

Н. К. Красковская:

Родилась в 1934 году в Новгородской области. Мой папа был военным строителем. 2 августа, в Ильин день на мотоциклах, в прорезиненных плащах показались немцы. Мы жили в Белостокской области. Наша деревня была сожжена полностью, и, пока шел бой, всей семьей укрывались в землянке.

Я, мама, бабушка и братик - всех нас вывезли на хутор в Прибалтику. Мне было девять лет. Приходилось выполнять любую работу на хозяина. В Германию попали в район Гатновера. От войны у меня обобщенный образ: самолеты без конца и непрерывные бомбежки, крики и стоны раненых, обожженных людей. Не могу видеть гной.

Отношение к русским было там ужасное. По вине наших правителей СССР до войны не присоединился к Женевской конвенции, и посылки Международного Красного Креста получали все, только не мы. Помню, французские военнопленные из соседнего лагеря нас подкармливали галетами. При виде бобов, брюквы меня после войны выворачивало наизнанку. С трудом, но постепенно взяла себя в руки и сегодня говорю за всех нас: мы не сломлены. Посмотрите, никто из нас не оказался на дне. А сегодня многие сливаются, не выдержав жизненных испытаний, молодые мужчины добровольно уходят из жизни.

Я видела совсем еще девочкой разрушенный до основания Берлин, еще страшной выглядела Варшава. А сегодня у меня два прекрасных сына, четыре внуки. Я никогда не скрывала своей биографии. Пребывание в неволе - это кусок жизни. Все мы решили объединиться в ассоциацию по признаку несчастья. Сколько обидных слов мы слышали в свой адрес, как будто чуть ли не сами в Германию уехали. И мы защищаем сегодня свое честное имя, практически без поддержки государства.

Компенсация узникам фашизма со стороны Германии в других странах стала выдаваться еще в 1953 году, у нас же только три года назад. И эти запоздавшие деньги еще гуляют, кто-то накручивает на них проценты. По льготам несовершеннолетние узники приравнены к участникам войны, но это только на бумаге. Приняты положения, указы, постановления, но что может сделать городское управление соцзащиты без финансовой поддержки сверху?

Сегодня мы собираем воспоминания бывших узников, живущих в Первоуральске. Судьбы удивительные! Например, супруги Панчишины познакомились на территории Германии, находясь в неволе. А записи какие есть дурацкие в документах, совершенно безграмотно составленные в фильтрационных лагерях! Попрано было элементарное гуманитарное право наших же соотечественников, насильно угнанных, потерявших имущество, родину.

Вот почему хочу сказать сегодня молодым людям: учитеесь на наших примерах. Вот она, история без прикрас, жестокое лицо войны минувшей. И после всего этого случилась Чечня. Не понимаю, как можно было сегодня допускать смерть и разрушения у себя дома. У наших детей и внуков должна быть более счастливая судьба.

**"Круглый стол" провели
А. СКРИПИН
и В. ГУБАЧЕВ.**

На снимках: вверху (слева направо) - А. А. Доровских, Т. И. Хороших, Б. Г. Гнатенко, А. Д. Кормильцева, внизу - С. В. Папченко, И. Т. Яскажук, Ф. Ф. Полищук, Н. К. Красковская.

Фото С. БАТАЛОВА.